

Потенциал «зеленого развития» Республики Бурятия¹

Н.И. АТАНОВ, доктор экономических наук. E-mail: ni.atanov@yandex.ru

А.Е. ЯНТРАНОВ, кандидат экономических наук, Институт экономики
и управления Бурятского государственного университета, Улан-Удэ.

E-mail: yantran@mail.ru

В статье приведены альтернативные варианты экономического развития Бурятии и Байкальского субрегиона. Исторические традиции предполагают возрождение этноэкономики с использованием возобновляемых ресурсов. Она характеризуется жизнеобеспечивающей функцией, экологичностью, сбалансированностью и малозатратностью. Предлагается использование бренда «Бурятия – территория “зеленой” цивилизации Байкальской Евразии». В его основе лежит развитие таких отраслей, как общий и лечебный туризм, сельское и лесное хозяйство, перерабатывающая промышленность, интегративная медицина и восточная фармацевтика.

Ключевые слова: этноэкономика, стратегия развития, институты развития, Байкальский субрегион

За последние четверть века в Бурятии обанкротились и прекратили существование большинство промышленных предприятий, на плаву остались только полтора десятка крупных и средних, также был ликвидирован институт совхозно-колхозных отношений – оплот и базис всей сельской жизни республики. Освободившуюся нишу заполняют организации торговли и услуг.

Необходимость новой модели

В условиях финансово-экономического кризиса для подъема экономики необходимы новая модель взамен экспортно-сырьевой, а также новая стратегия развития вместо Стратегии-2020, так и не адаптированной к российской действительности. В серьезной модернизации нуждается и социальное пространство страны, так как существенно сузились региональные рынки труда.

Важной является и проблема ротации кадров в системе государственного и муниципального управления в регионах. Адекватную замену подготовленным еще в советский период специалистам рыночная система сформировать не успела, хотя

---

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Бурятского госуниверситета № 327-ОД от 26.11.2014.

специалистов по государственному и муниципальному управлению вузы выпускают в достаточном количестве. В стране пока нет целостного института непрерывной подготовки и повышения квалификации кадров для государственного и муниципального управления, начиная с низового уровня управленческой иерархии. В этом, на наш взгляд, истоки ухудшающегося качества управления.

Например, в Бурятии правительство и министерства пополняются руководителями среднего звена (комитеты, агентства, службы) в основном за счет глав муниципальных районов, эпизодически – руководителей хозяйственных организаций. В итоге весь первый срок полномочий (пять лет) уходит у вновь назначенных руководителей на освоение тонкостей государственной службы, включая писанные и неписанные правила межведомственных коммуникаций и т. п. Еще хуже обстоят дела с профессиональной квалификацией на муниципальном уровне. В итоге в регионе сложилась тенденция ротации кадров по схеме «замена посредственного на худшего».

Сегодня нельзя исключить и сценарий повторения «застоя» 1980-х годов, т. е. перехода экономики из рецессии в депрессию и стагфляцию, что поднимает ряд вопросов. Например, почему наше общество, вначале с энтузиазмом воспринимающее смену общественно-политического и экономического строя, со временем наступает на одни и те же «грабли» разочарования, истощения и развала нововведения? Не есть ли это результат одностороннего увлечения сменой форм, но не содержания, без учета российской многонациональной идентичности, духовно-нравственных устоев, хозяйственных и культурных традиций и т. д.?

Значимость этноэкономики

Уроки былых трансформаций, не давших ожидаемых эффектов, диктуют для нашей страны выбор коридора действий с опорой на полиэтническую евразийскую идентичность российского общества с выделением региональных компонент. Выход из угнетенного состояния, в котором пребывают региональные сообщества, в том числе в Республике Бурятия, мыслится только на основе национальной патриотической идеи, реализующей стратегический вектор развития. Ею является, по нашему убе-

ждению, стремление к построению общества, в основе которого лежат не потребительские, технократические и антиэкологические атрибуты западной цивилизации, а ценности духовного возрождения с опорой на традиции хозяйственного уклада и культурные ценности народов, населяющих территорию Байкальского региона.

Необходимо возрождать этноэкономику, тысячелетиями адаптированную к природно-климатическим и экологическим условиям Забайкалья и Предбайкалья. Для местных аборигенов это – номадное животноводство, а для русских старожилов – земледелие и животноводство. Общими являются народные промыслы и собирательство готовых даров природы, коими пока еще богата местная фауна и флора.

Функционал этноэкономики многогранен: на нее мало влияют внешние вызовы в виде кризисов, она экологична и сбалансирована с законами природы, поэтому ее продукция обладает высокими питательными и вкусовыми качествами, в отличие от аналогов, произведенных по интенсивным технологиям. Кроме того, она базируется на возобновляемых источниках и ресурсах, поэтому вечна и к тому же малозатратна (при наличии достаточных площадей пашни, сенокосов, пастбищ, лесов и водоемов). Единственный ее недостаток – невысокая продуктивность. Но это спорный вопрос, особенно если сравнить значимость качественных характеристик на единицу массы/веса продукции, произведенной по экстенсивной и интенсивной технологиям.

Тренд научно-технического прогресса призывает двигаться к постиндустриальным шестому и седьмому технологическим укладам, к экономике знаний и ее разновидности – «зеленой» экономике, преследующей цель гармонизации экономики и экологии. Ее базисом, по нашему мнению, и является этноэкономика².

Наполнение этноэкономики биологическими, информационными и другими современными технологиями – каркас будущей специализации Байкальского субрегиона в межрегиональном

---

² Из всего многообразия структуры «зеленой» экономики нами рассмотрены только те виды деятельности, которые основываются на возобновляемых природных ресурсах: сельское хозяйство и перерабатывающие отрасли, акваэкономика, включая целебные природные минеральные источники и бальнеологию, лесное хозяйство и лесная промышленность, а также туризм, хотя фактически таких видов деятельности значительно больше.

и международном разделении труда и, в конечном счете, в экономической глобализации. Еще большее значение новой модели – в ее непротиворечивости и сопряженности с духовно-культурными ценностями полиэтнического сообщества Байкальского субрегиона, частично утраченными в периоды индустриализации и массовой коллективизации. Поэтому вполне оправданно утверждение курса на развитие «зеленой» экономики в качестве бренда, движущей силы экономического и духовного возрождения Байкальского субрегиона и Республики Бурятия с опорой на традиции и культурные ценности, прагматизм и целеустремленность народа.

В девизе «Бурятия – территория “зеленой” цивилизации» сконцентрирована стратегия ее развития на XXI век, поскольку он нацелен на качественное воспроизводство самых ценных ресурсов – человеческого и природного. На конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» (2012 г.) организаторы обратились к странам-участникам с призывом о выработке мер по борьбе с бедностью, а также по снижению урона, наносимого биоразнообразию мировых экосистем [1].

Для России переход к «зеленому» развитию экономики имеет стратегическое значение. «Для обеспечения национальной безопасности Российская Федерация... сосредоточивает свои усилия и ресурсы на следующих приоритетах устойчивого развития... Экономический рост достигается прежде всего путем развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал... экология живых систем и рационального природопользования, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны...» [2]. Точнее не скажешь. Лишь бы слово не расходилось с делом.

Итак, бренд «Бурятия – территория “зеленой” цивилизации» следует наполнить адекватным содержанием и сделать привлекательным. Примеров удачного брендинга с полноценной перестройкой пространств в России немного, это, например, «Великий Устюг – Родина Деда Мороза» и «Мышкин – уникальный провинциальный город». Но гораздо больше примеров обычной разработки, «освежения» региональной символики с разной степенью успеха. К ним относятся: «Вологда – культурная столи-

ца Русского Севера», «Пермь – культурная столица Поволжья», «Мурманск – форпост России в Арктике» и пр.

Бренд Республики Бурятия характеризуется целевой устремленностью в постиндустриальный век, а также экономическим, экологическим, социально-культурным и духовным содержанием. Данные обоснования подтверждаются практическими видами деятельности.

Основные отрасли

Туризм – ведущая отрасль в Бурятии, он играет неопределимую роль как инструмент рекламирования республики, паломничества сюда граждан со всего мира, как территория для общения тех представителей индустриального общества, которые ищут гармонию между технократизмом и духовностью, между экономическим благополучием и экологической устойчивостью и т. д.

Для подъема туристического бизнеса была создана свободная туристическая зона «Байкальская гавань». И хотя этот проект нередко критикуется, тем не менее он дал толчок развитию отрасли. Туристический поток в Бурятию ежегодно растет высокими темпами. Если в 2013 г. общее количество туристов составило 800 тыс. чел., то в 2015 г., по данным Республиканского агентства по туризму, он увеличится до 990 тыс. А общий объем оказания услуг вырастет до 2,3 млрд руб. Наиболее популярны оздоровительный, религиозный и ознакомительный виды туризма. Основные надежды связаны с туристическим потоком из стран АТР, СНГ и регионов России [3].

Главная задача продвижения бренда – это выбор приоритетов. Ориентир здесь один: мультипликативное увеличение посещений региона той категорией туристов, которые заняты в сфере науки и инноваций, экологии и природопользования, образования и здравоохранения, творческих, общественных и политических деятелей, т. е. приток специалистов, развивающих идеологию и практику «зеленого» развития. Для успешности проекта нужны сильнейшая проработка принимающей стороной целевого туристического продукта и «дорожной карты», формирование и развитие выставочно-конгрессной деятельности, повышение социальной привлекательности региона, индикаторами которой являются естественный и миграционный

прирост населения, уровень и качество его жизни, степень развития человеческого потенциала и территориальной инфраструктуры и др. [4]. Развитие целевого туризма, ориентированного на пропаганду «зеленой» цивилизации, стимулирует местное общество повышать качественные характеристики территории как в экономическом, так и в социальном и экологическом аспектах.

Сельское хозяйство и животноводство. Сельское хозяйство Забайкалья с аридным земледелием в условиях сжатия инвестиционного предложения может развиваться преимущественно на экстенсивных факторах. Ведущая отрасль – животноводство. Ближайший ориентир – Монголия, в которой около 17 голов скота приходится на одного жителя (33 головы – на 1 км² территории).

В Бурятии, чтобы достичь такого же показателя, нужно увеличить поголовье скота (без учета свиней) до 16 млн голов против 760 тыс. в настоящее время, т. е. в 21 раз. В пересчете на единицу территории (2,17 голов на 1 км²) – в 15 раз, до 11,6 млн голов. С учетом коэффициента урбанизации и удельного веса труднодоступных территорий для пастбищного скотоводства в Бурятии реальный резерв роста поголовья скота составляет 6–7 млн голов. Осилить эту задачу в короткие сроки с опорой только на собственные ресурсы нереально. Но это возможно за счет импорта аборигенного племенного крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и верблюдов из Монголии и Внутренней Монголии КНР. Субъектами животноводческого предпринимательства должно стать все сельское сообщество Бурятии – от подворий, крестьянских (фермерских) хозяйств до крупных производственных организаций и кооперативов. Нужна соответствующая проработка отраслевого стратегического плана. Еще более привлекателен и эффективен интеграционный проект с участием Забайкальского края и приграничных субъектов Монголии и Китая.

Животноводство – это не только мясо, молоко, шерсть, кожевенное и шубное сырье. Как основа жизнедеятельности монгольских народов занятие животноводством является средством воспитания подрастающего поколения, непременным сегментом уклада народов кочевых цивилизаций с разветвленной отраслевой структурой. Из-за экологичности и оздоравливающего эффекта кумыс, козье молоко, а также стеганные изделия из верблюжьей, ячьей, овечьей шерсти, кашемировый трикотаж

из козьего, ячьего и верблюжьего пуха и т. п. не имеют конкурентов на современном глобальном и локальных рынках.

Растениеводческая отрасль Бурятии имеет меньший потенциал, чем животноводство. Однако ее подъем до должного уровня сможет обеспечить потребности местного населения по таким видам продукции региональной специализации, как крупы (кроме риса), зерно на продовольственные нужды, картофель и овощи. Для нужд быстроразвивающегося туризма необходимо межрегиональное и импортное дополнение.

Лечебные источники. Территория Республики Бурятия и всего Забайкальского края – это природная лечебница, которая по потенциалу минеральных лечебных источников превосходит Северный Кавказ. Вовлечение их в бальнеологический и коммерческий оборот создаст основу для лечебно-оздоровительного туризма и акваэкономики, венцом которых является озеро Байкал.

В Бурятии насчитывается свыше 300 природных лечебных минеральных источников, из них используются Аршан, Жемчуг, Нилова Пустынь (Тункинский р-н), Горячинск (Прибайкальский р-н), Киран (сезонно) (Кяхтинский р-н), Кучигер (сезонно), Умхэй (Курумканский р-н), Дзилинда, Хакусы (Северо-Байкальский р-н). Все остальные – исключительно местного пользования, они не имеют подтвержденных результатов бальнеологического, биологического, химико-физического анализа, не поставлены на баланс мощностей, инфраструктура отсутствует.

Лесное хозяйство за последнюю четверть века подверглось опустошительному воздействию как со стороны человека, так и природных катаклизмов (пожаров), а лесной бизнес стал одним из самых теневых и криминальных. Непрерывные пертурбации в системе управления лесным хозяйством вместо положительных результатов только ухудшают его состояние. Между тем скандинавские страны, преуспевающие в лесопользовании, базируются на лесном законодательстве царской России (Финляндия). Почему же мы отрешиваемся от своего «золотого прошлого» и всякий раз «изобретаем велосипед» разового пользования?

Оценка реального состояния лесного хозяйства сегодня возможна по итогам основательной экспертизы и ревизии. На основе полученных результатов следует планировать масштаб-

ное восстановление лесов по аналогии со сталинским планом преобразования природы 1949–1950-х годов.

Перевод лесного бизнеса в легитимное русло не потребует титанических усилий: будет достаточно законодательно-нормативного обеспечения и адекватного правоприменения при формате биржевой системы торговли – например, на Санкт-Петербургской или Шанхайской биржах. Но проблема долгие годы не решается. Похоже, в этом не заинтересованы ни лесозаготовители, ни лесоэкспортеры, ни таможенные и правоохранительные органы, ни власть.

Перспективным направлением является «зеленый» экспорт засухоустойчивых лесоматериалов в Монголию и Китай, где особую остроту приобрела проблема борьбы с фронтальным расширением пустыни Гоби на север и на юг. Наилучшим способом борьбы с опустыниванием территории является лесомелиорация. И в этом сегменте за счет расширения и развития лесопитомников Республика Бурятия могла бы создать новый экспортный задел на длительную перспективу.

Медицина. Особое место в «зеленой» экономике занимают орگانофармацевтика и восточная медицина. Бурятия – единственный регион России, который вобрал в себя опыт традиционной медицины Востока – Тибета, Китая, Монголии и местных народов. В Бурятском научном центре сконцентрированы бесценные рукописи Тибета, посвященные фармацевтическим и лечебным методикам и технологиям, которые изучаются учеными, переводятся на русский язык и внедряются в практику. В республике создана и действует уникальная фармацевтико-лечебная база в форме тибетских центров, Центра восточной медицины, одиночных лекарей-практиков и др. Активную работу проводят представители буддистской конфессии – лекари-ламы. Но вся эта система действует разрозненно и вполне созрела для единого организационного оформления в биофармкластер с собственной клинической базой.

С осуществлением данного проекта Бурятия станет «мостом» интеграции европейской классической медицины с восточной традиционной. В медицинском институте Бурятского государственного университета ведется подготовка врачей именно по интегративной медицине. Другими словами, в республике есть не только все необходимые, но и достаточные условия для

создания биолого-фармацевтического и лечебного кластера. Разработан и принят соответствующий проект, нужно ускорить его продвижение по инвестиционным инстанциям.

Потенциал «зеленого» развития у Бурятии, да и у всего Байкальского субрегиона огромный. Важно выстроить стратегическую ось и последовательно нанизывать на него этнохозяйственные практики в терминах «зеленой» цивилизации. Не менее важным является выстраивание институтов реализации стратегии мягких технологий системного управления разрозненными хозяйствующими субъектами для формирования взаимовыгодных горизонтальных и диагональных связей.

Литература

1. Чечевичников А. Л. Саммит «Рио + 20» и устойчивое развитие России // Вестник МГИМО. – 2012. – № 3 (24). – С. 113–117.
2. Указ Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020-го года» [Эл. ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> (дата обращения: 25.04.2015).
3. Монтоева Е. Большие надежды туризма. [Эл. ресурс] URL: <http://newbur.ru/articles/21375> (дата обращения: 30.04.2015).
4. Попов Е. В., Кац И. С. Стратегии повышения социальной инфраструктуры регионов // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 21 (348). – С. 2–12.